
1896

1896 г.

13 февраля. Линниченко назначен в Одессу на место Маркевича, к[ото]-рому велели подать в отставку из-за глупой истории, случившейся с ним в августе при возвращении его с женой из-за границы. (У него на границе нашли какие-то запрещенные издания в большом числе экземпляров и по этому поводу сделали обыск в его квартире в Одессе, причем нашли тетрадь, в к[ото]рой он записывал раздаваемые им для чтения из своей библиотеки книги; там оказались записанными и запрещенные книги)¹.

Вчера С.Ф., давая урок великому князю Мих[аилу] Ал[ександровичу], был удивлен его познаниями в орфографии: он написал далѣе с двумя е, а на замечаниеⁱ С.Ф., что это сравн[ительная] степень, ответил: «Об этом я и не подумал» – и поставил ѣе. Затем снова он написал сного, так что С.Ф. должен был объяснить ему происхождение и значение этого слова. Понадобилось затем написать госуд[арственные] штаты. Великий князь захотел написать по-франц[узски], но не знал, как писать Etatsⁱⁱ (Eta – а дальше что?). Общими силами написали Etats, слово générauxⁱⁱⁱ великий князь написать сумел, но относительно accents^{iv} заметил, что их расставит Тормейер (воспитатель-француз). А ведь великому князю 18 лет! Но что всего более приводит С.Ф-ча в отчаяние, так это постоянный вопрос великого князя по поводу чего-либо, что ему рассказывает С.Ф.: «Мы это проходили?» Сам он не может сказать, проходил он то или другое или нет.

Великая княжна очень мила. Вчера она никак не могла запомнить имени Аристотеля. С.Ф. сказал ей, что запомнить нужно. Тогда она взяла стоящий у нее на столе портрет какой-то собачонки (как оказалось, это – Эра, собака императрицы Ал[ександры] Феод[оровны]) и заявила, что это будет Аристотель (то есть будет напоминать ей об Ари[стоте]ле), и подписала на обороте «Аристотель» – «Кстати, – заметила она, – и имя похоже». Она рассказала

ⁱ Абзац выделен чертой на левом поле.

ⁱⁱ Штаты (фр.).

ⁱⁱⁱ Генеральные (фр.).

^{iv} Ударения (фр.).

С.Ф-чу, что всегда так делает, когда хочет что-нибудь запомнить, что какой-то предмет у нее на столе означает маму (то есть должен напоминать о маме), другой – Мишу (то есть великого князя) и т.д.

20 февраля. Третьего дня была у нас А[нна] С[ергеевна] Милокова, к[ото]рая приехала сюда узнать и, вероятно, похлопотать. По-видимому, им гораздо больше хотелось бы остаться в России (например, получить место в Архиве²), чем ехать в Болгарию, где М[илиуко]ву предлагают кафедру Драгоманова, – или если поехать в Б[олгар]ию, то лишь на несколько лет и при этом быть уверенными, что это не принудит их к экспатриации³. М[илиуко]ва мне понравилась, хотя она, по-моему, слишком прямолинейна. Она говорит, что, начни Герье хлопотать о возобновлении Моск[овских] женск[их] курсов, их непременно разрешат возобновить, но он обленился, а помимо него никто не решается взяться за это дело⁴.

Рассказывает она, что Гроту, когда он был назначен в Москву⁵, сначала не все подавали руку – не за то, что он был назначен министерством, а за то, что он очень уж быстро изменил свои убеждения. – Рассказывает также, что Линниченко, читавший несколько лет обязательный курс и не получавший за это никакого вознаграждения, кроме гонорара, подал в факультет заявление, что он не желает больше читать на прежних условиях. Факультет постановил: выразить ему благодарность за понесенные труды. После этого ему было уже неловко оставаться в университете⁶.

Помяловский недавно сообщил С.Ф-чу, что Фирсов в Казани объявил курс по истории Поволжья, но курс этот не разрешен, как сепаратистский⁷.

Сегодня умер дежурный при государе генерал Черевин⁸ – умер от крупозного воспаления легких, в присутствии гос[ударыни] Марии Феод[оровны], к[ото]рая приехала его навестить. С его смертью, говорят, государыня теряет последнего из близких ей при дворе людей.

История Доробца с Боголеповым.

22 февраля. Вчера великий князь Мих[аил] Ал[ександрович] говорил С.Ф-чу, что государь ездит в учебные заведения всегда по средам и распускает учащихся на три дня, так чтобы у них было сразу 4 свободных дня.

Вчера у нас обедала Милокова. Она мне нравится. Здесь ей ничего не удалось хорошенько узнать о деле мужа: в одном месте ей сказали, что дело кончится не ранее чем через два месяца, в другом – что кончится к осени. А если дело действительно так затянется, они могут упустить место в Болгарии.

Пр[иват]-доц[ент] Моск[овского] университета Доробец несколько лет тому назад был в командировке за границей⁹. Боголепов, тогдашний ректор, объясняя ему в письме какую-то задержку в ассигновании или высылке ему денег, выразился так: в Мин[истерст]ве нар[одного] пр[освещения] изолгались все, начиная от министра и до последнего канцеляриста. Доробец этой осенью ([18]95 г.) приехал сюда, был у министра и представил ему это письмо¹⁰. Делянов взял его и, в бытность свою в Москве, показал Боголепову, теперешнему попечителю¹¹ и человеку «правее правого». Говорят, будто Б[оголепо]в страшно испугался, побледнел, встал и спросил: «Прикажете подать в отставку?» На что Д[еляно]в ответил: «Нет, зачем? Но впредь будьте осторожнее». Б[оголепо]в после этого выгнал Д[оро]бца отовсюду, так что он теперь без места¹². Этого Д[оро]бца, по рассказам газет, какая-то бабушка

Федосья в Москве исцелила от какой-то тяжелой кожной болезни, о чем в прошлом году много кричали газеты¹³. – Дювернуа извинялся перед С.Ф., что, в бытность Д[оро]бца здесь, направил его по делу к С.Ф-чу, не зная сам хорошенько, что это за гусь.

С.Ф. уехал на похороны Бершадского, к[ото]рый умер 21 февраля. Он давно уже хворал, летом был в Крыму к[ото]рый не принес ему ничего, кроме вреда, и умер, вероятно, от общей чахотки, выражавшейся в постоянно повторявшихся гнойных плевритах. Его, по-видимому, доканала происшедшая у него с Арх[еографической] ком[иссией] в прошлом году история. Ему было поручено издание тома документов по истории литовского госуд[арственного] права. Он, как человек неопытный в этом деле и не-филолог, издал что-то ужасное: вполне доверился безграмотным переписчикам, к[ото]рые, например, вместо «Семен» умудрялись писать «Кмен» и т.п., один и тот же документ перепечатывал по несколько раз под разными годами и т.д. Достаточно сказать, что когда печатаниеⁱ, за к[ото]рое Б[ершадск]ий получил около 2½ тысяч рублей гонорара, кончилось, когда Б[ершадск]ий приготовил уже предисловие к нему и том готовились выпустить в свет, оказалось, что выпустить его нельзя во избежание скандала. Все издание, стоившее комиссии около 5000 рублей, отдано было на бумажную фабрику, чтобы эту массу бумаги там перемололи. Б[ершадск]ий предложил комиссии переиздать том на свой счет, но комиссия на это не согласилась¹⁴. Интересно, что такие близкие к Б[ершадско]му лица, как Коркунов, ничего об этой истории не знали, и вчера К[оркунов], услышавⁱⁱ о ней, очень удивился и заметил, что именно с весны Б[ершадск]ий изменился до неузнаваемости.

Говорят, что недавно в одном из заседаний Госуд[арственного] совета председатель его, великий князь Мих[аил] Ник[олаевич], спросил: на основании каких законов Российской империи действовали Министерство юстиции и Мин[истерство] внутр[енних] дел при передаче тюремного ведомства из одного м[инистерства] в другое, без ведома Государственного совета (?) Муравьев и Горемыкин стали давать объяснения, после к[ото]рых Мих[аил] Ник[олаевич] будто бы сказал: «Выслушав оправдания виновных, я полагаю, мы можем простить их – одного по молодости (Муравьева), другого по неопытности (Горемыкина)».

11 апреля. В воскресенье, 7 апреля, Введенский прочел лекцию в пользу нашего общества на тему: «Об условиях допустимости веры в смысл жизни». (Эти, или, вернее, это условие – вера в бессмертие.) Билетов не хватило, масса народу, духота. В результате – хороший сбор и, кажется, некоторое разочарование у слушателей.

Лето 1896 г.

12 августа. Я только что читала биографию императрицы Марии Феод[оровны], прочла, что во время своего заграничного путешествия и она, и ее муж аккуратно вели дневник¹⁵, и мне стало стыдно, что я до сих пор не собралась написать свои впечатления от заграничного путешествия. Мы с С.Ф. выехали 5 июня из С[анкт]-П[етербурга] в Берлин; ехать было тесно;

ⁱ Далее зачеркнуто тома.

ⁱⁱ На левом поле напротив текста Осокин.

мы почти не спали ночь¹⁶. Утром на другой день переехали границу (среди огорода стоял русский солдат с ружьем – это и была граница); нам стало жутко; мы все повторяли: «Мы за границей». Прусские вагоны, немцы – поездная прислуга, немецкие виды из окон вагонов – все нас поражало. Пруссия (или, вернее, сначала прусская Польша) поразила нас своим благоустройством: все дороги обсажены деревьями, всякий клочок земли вспахан, деревни, деревенские постройки – все так аккуратно, домовито; нет и помину о русской грязи и неряшливости; пашут везде на паре или даже четверке лошадей; телеги везде огромные, прочные, запряженные также 2 или 4 лошадьми. Одно только мозолило глаза: однообразный (темно-красный цвет) постройек. Сначала нас удивляла также запряжка лошадей без дуги, но потом мы к этому привыкли. Подъезжая к Берлину, мы в первый раз увидели собаку, запряженную в тележку.

В Берлин мы приехали под вечер страшно пыльные, но веселые и возбужденные. Берлин и берлинцы нам очень понравились, хотя сам город удивил нас отсутствием показной чистоты, бумажек и навоза на улицах гораздо больше, чем в П[етер]бурге. Но что приятно поражает глаз – это масса зелени и влаги: везде сады, скверы, фонтаны; видно, что зелень любят и умеют за ней ходить и ее разводить. Самые берлинцы производят прекрасное впечатление: они деловиты, спокойны и расторопны на вид. На улицах движение не особенно большое на наш взгляд, то есть сравнительно мало извозчиков и частных экипажей, но зато очень много omnibusов и ломовиков с их огромными телегами.

Музеи в Берлине прекрасные, множество чудных картин и статуй старых художников и ваятелей. Собственно национальное искусство немцев (Национальная галерея¹⁷) не дает ничего особенно выдающегося; меня поразила масса багальных картин и почти полное отсутствие жанровых. На картинах, как и на памятниках, к[ото]рых множество в Берлине, немцы, не стесняясь, изображают французов побежденными, а себя победителями. Их знаменитая Siegestsäule¹, воздвигнутая из французских пушек и представляющая довольно аляповатое произведение современного немецкого искусства, также покрыта барельефами, изображающими поражения Франц[ии]¹⁸. А громадная картина в Нац[иональной] гал[ерее] – апофеоз Вильгельма, въезд его в храм Славы, причем почти обнаженные девушки усыпают ему путь цветами – просто противны. – Интересно, что, по словам Б[ориса] А[лександровича] Тураева, чудный загородный берлинский парк Victoria-Park разведен на месте свалки отбросов.

Берлин так нам понравился, что жаль было из него уезжать. Утром 9 июня мы отправились в Дрезден (это всего несколько часов езды) и, по приезде туда, сейчас же из отеля побежали в музей – смотреть Сикстинскую Мадонну¹⁹, увидеть к[ото]рую я мечтала еще тогда, когда вопрос о заграничной поездке не был еще окончательно решен. Это чудная – даже не картина, а скорее икона; лучше я никогда ничего не видела. Мне кажется, что ей место скорее в церкви, чем в музее. – Самый Дрезден – прекрасный город с множеством чудных зданий. Здесь в первый раз мы увидели образцы старинной (готической) архитектуры и старинных улиц. С этой стороны очень интересна старая часть

¹ Колонна победы (нем.).

города (Altstadt)ⁱ, к[ото]рая Эльбою отделяется от Neustadtⁱⁱ. Вид на Neustadt и на Эльбу с Brühlische Terrasseⁱⁱⁱ очень живописен, но самая река не производит особенного впечатления. С.Ф-чу очень интересно было посмотреть на эту «великую славянскую реку»²¹. В Дрездене, к[а]к и в Берлине, масса зелени, цветов и особенно роз; вечером мы попали в загородный парк, где в это время гуляло множество довольно демократической публики. Я никогда нигде не видела такой массы роз, к[а]к в этом парке, – даже какие-то ползучие розы. В Дрездене же я в первый раз после 22[-летнего] промежутка увидела каштановые деревья и белую акацию; я видела их в детстве в Малороссии – посмотрела по карте и убедилась, что Харьков и Лейпциг лежат почти на одной широте. В Дрездене, к[а]к и в Берлине, масса конок. Королевский дворец и памятники Саксонским королям произвели на меня странное впечатление: я даже как-то забыла, что в Саксонии есть до сих пор свой король²²; «было время и прошло давно».

Из Дрездена 11-го числа мы отправились на Лейпциг и Франкфурт в Майнц. До Лейпцига местность однообразна и не интересна, а после Лейпцига, где мы с одной железной дороги перешли на другую (Thüringer Bahnhof^{iv}), мы ехали по Тюрингии.

ⁱ Старый город (нем.).

ⁱⁱ Новый город (нем.).

ⁱⁱⁱ Терраса Брюля (нем.).

^{iv} Тюрингский вокзал (нем.).